

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Михаил Нестеров

**СТАЛИНСКИЙ
СОКОЛ**

Комбриг

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н56

В оформлении переплета использована
иллюстрация художника *И. Варавина*

Нестеров, Михаил.

Н56 Сталинский сокол. Комбриг / Михаил Нестеров. — Москва : Эксмо : Яуза, 2019. — 320 с. — (Военно-историческая фантастика).

ISBN 978-5-04-103489-4

Угодивший в 1941 год военный летчик ВКС Российской Федерации Олег Северов продолжает храбро и умело сражаться с фашистами. И немало «птенцов Геринга» рухнуло с небес после встречи с отчаянным русским асом.

Командование отмечает победы Северова наградами и повышением в звании. Олег считается не только одним из самых результативных пилотов-истребителей ВВС Красной Армии, имеющим на боевом счету больше полусотни сбитых немецких самолетов, но и отличным командиром и организатором. Поэтому, когда Верховный главнокомандующий принимает решение послать в Северную Африку на подмогу союзникам, терпящим поражение за поражением, специальную авиационную бригаду, оснащенную новейшей техникой, одним из кандидатов на должность комбрига рассматривается гвардии капитан Северов.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Нестеров М., 2019
© ООО «Издательство «Яуза», 2019
© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-103489-4

ГЛАВА 1

Путь до Москвы занял сутки, утром следующего дня Северов, голодный, уставший и замерзший, прибыл наконец в управление формирования и комплектования ВВС ВМФ. Дежурный на входе не хотел пускать такое чучело и требовал привести себя в порядок, правда, не мог объяснить, как это можно сделать. Их перебранка привлекла внимание солидного вида командира, спустившегося по лестнице и направлявшегося к выходу.

— Что у тебя, Пилипенко?

— Да вот, товарищ полковник, настоящее чучело! Я этому сухопутному говорю, чтобы привел себя в порядок, а потом шел на прием!

— Правильно говоришь! Иди, приведи себя в порядок, боец! — командир с презрением оглядел Северова и повернулся, чтобы уйти.

— Товарищ полковник! Разрешите обратиться!

— Ты что, слов не понимаешь? — разозлился тот.

— Я не боец, я лейтенант! И форма моя вместе с самолетом сгорела, а другой в госпитале нет! — повысил голос Северов.

— Вот как! Дай свои документы! — полковник посмотрел их и повысил голос на дежурного. — Ты что, Пилипенко, с ума сошел! Ты не видишь, что он из госпиталя? Вместо того чтобы помочь человеку, ты его мурыжить решил?! Пропусти немедленно и проводи к Белову!

Потом повернулся к Северову:

— Пройдешь с ним. Подполковник Белов тебе место службы определит.

Подполковник Белов оказался небольшого роста круглым дядечкой с основательной лысиной, кустистыми бровями и басом, сделавшим бы честь самому Шаляпину. Правда, из-за этого баса говор у него был довольно невнятный, Олегу приходилось напрягаться, чтобы понять, о чем тот говорит. Сначала подполковник внимательно читал документы Северова, потом не менее внимательно их перечитывал, потом вздохнул и принялся перебирать их третий раз, перечитывая уже только некоторые из них. Летчик мысленно успокаивал себя тем, что голод можно и потерпеть, а вот то, что в кабинете было тепло, это большой плюс. К тому же ему предложили сесть, а не поставили по стойке «смирно» на неопределенное время.

Когда Белов вознамерился перебирать бумаги в четвертый раз, Северов не утерпел:

— Что-то не в порядке, товарищ подполковник?

— С чего ты это взял? — искренне удивился кадровик.

— Извините, — лейтенант приготовился ждать как минимум до обеда.

Однако подполковник перестал изучать документы и принялся задавать вопросы. Северов отвечал, Белов кивал и вновь погружался в размышления. Потом, пройдясь вопросами по фронтовой биографии Олега, особенно заинтересовался выходами из вражеского тыла. Справки о результатах проверки особистами были приложены, но подполковник еще раз пошуршал ими. Лейтенант уже прикинул, что кантоваться ему тут придется до весны, но тот неожиданно улыбнулся и сказал, что Северов будет направлен в запасной авиаполк для восстановления навыков (кто бы сомневался, такой порядок). А для дальнейшего прохождения службы он может быть направлен в формируемый 33-й истребительный авиационный полк КБФ. И, видя недоумение собеседника, пояснил, что шансов вернуться в свой 4-й ИАП у него нет, он выведен на переформирование и его штаты полностью укомплектованы.

— Короче, принуждать не хочу. Если согласен, получай назначение, если нет, то все равно поедешь в запасной авиаполк, но там, сам понимаешь, куда и когда попадешь — неизвестно.

Северов предложение оценил. Белов имел полное право ничего не спрашивать, но он спросил и оставил выбор за лейтенантом.

— Я согласен, товарищ подполковник. И спасибо вам.

— Эх, парень! Не путевку в санаторий предлагаю. Все равно на фронт, а уж четвертый полк или тридцать третий, какая разница.

В этом была правда, и Северов вдруг подумал, что у Белова наверняка есть сын, и он сейчас

воюет или готовится убить на фронт. Мысленно пожелав Белову-младшему удачи, Олег еще раз поблагодарил подполковника и отправился оформлять необходимые документы. Для этого требовалось некоторое время, так что у него есть возможность пока пообедать и через два часа прибыть в соседний кабинет, где ему выдадут направление и проездные документы.

Когда Олег вышел на улицу, то сообразил, что пообедать вряд ли удастся. На ресторан денег нет, да и заходить в приличное место в таком одеянии просто неудобно, а талонов в столовую у него нет. Придется обратиться к дежурному, может, он подскажет, что делать. Вдруг у Северова появилось чувство, что на него кто-то смотрит, быстро обернувшись, летчик увидел Забелина, который с улыбкой его рассматривал. Олег заметил, что в петлицах у него присутствует ромб, повысили до майора госбезопасности.

— Хорош! — искренне восхитился майор. — Если бы в другом месте встретил, подумал бы, что к заброске подготовили. Тебя что, на улице обобрали?

— Здравия желаю, товарищ майор госбезопасности! Нет, это я из госпиталя пробираюсь.

Владимир Викторович посмотрел на часы:

— Так, немного времени у меня есть. Давай рассказывай, как тебя угораздило. Кстати, а шел ты куда?

Узнав, что Олег решал проблему обеда и имеет целых два часа на ее решение, Забелин scomандовал следовать за ним и привел к машине, на которой они приехали столовую, в которой пи-

тались командированные в столицу сотрудники НКВД. Талоны у него оставались, так что майор велел Северову не переживать по этому поводу. За обедом, который летчик съел с большим аппетитом, он рассказал про свою службу после выхода из окружения, ранение и направление в морскую авиацию. Забелин покачал головой:

— Да, досталось тебе.

Некоторое время он сидел молча, только отпивал чай небольшими глотками, потом сказал:

— Ладно, время у меня вышло, ехать надо. Рад, что ты живой, может, увидимся еще.

Северов вернулся в управление, немного подождял, затем старший лейтенант выдал ему предписание, еще раз оглядел стоящее перед ним чучело и, качая головой, скрылся за дверью кабинета. Еще через полчаса кряхтящая и дребезжащая полуторка неспешно увозила лейтенанта в Кубинку, где базировался запасной авиаполк.

Генералы Петровский и Снегов были наконец выписаны из госпиталя. По-хорошему, надо было бы еще подлечиться, но обстановка на фронте не позволяла спокойно лежать на больничной койке или отдыхать в санатории. Состояние здоровья было признано удовлетворительным, и выписку им назначили на один день. Когда об этом стало известно, они получили приказ сразу из госпиталя прибыть к начальнику Генерального штаба РККА маршалу Шапошникову. Было понятно, что речь пойдет не столько о новом назначении, сколько о докладных записках. Петровский и Снегов были эрудированными вое-

начальниками, имеющими к тому же пусть и небольшой, но успешный опыт боевых действий против немецких войск. И теперь, вызванные к Шапошникову, готовились комментировать и отстаивать свой совместный труд. А еще они договорились для себя, что Снегов будет проситься к Петровскому начальником штаба. Меньше чем на армию назначить не должны, ведь Леонид Григорьевич уже был назначен командармом до своего ранения. А если предложат что-то большее... Справятся и с бóльшим!

Они не знали, что, прочитав их докладные записки, Шапошников пришел в большое волнение. Он показал записи только двум людям — своему заместителю Василевскому и своему предшественнику Жукову. У Жукова не было времени подробно ознакомиться с их содержанием, он постоянно мотался по фронтам. Но даже беглого взгляда хватило, чтобы Георгий Константинович в своей обычной лапидарной манере сказал:

— Логично и убедительно! Надо немедленно докладывать Верховному! Можете рассчитывать на мою поддержку в этом вопросе.

И снова уехал на фронт. Александр Михайлович Василевский документы изучил внимательно и был полностью согласен с Жуковым. Борис Михайлович доложил Сталину, тот взял их на изучение. Изучал их довольно долго, хотя обычно он даже объемные материалы читал быстро. Было очевидно, что он не просто читает, но и обдумывает. Целую неделю он не упоминал о них, а потом попросил Шапошникова остаться после заседания Ставки ВГК.

— Что вы думаете об этих документах, Борис Михайлович?

— Я боюсь, товарищ Сталин, что мне трудно оценить их в полном объеме. Сначала выскажусь по поводу чисто военных вопросов. Я взял на себя ответственность и ознакомил с ними товарищей Жукова и Василевского. Они очень высоко оценивают эти предложения по совершенствованию нашей тактики и вооружений. Ни одно из них не вызвало ни у них, ни у меня принципиальных возражений. Что же касается нашей военной промышленности и, особенно, политических вопросов, то здесь я менее компетентен. Однако все, что там написано, и мне и моим коллегам кажется очень обоснованным. Если честно, то я не ожидал от этих генералов таких смелых, а главное, отлично продуманных предложений и тезисов по такому широкому спектру вопросов. Но должен заметить, что товарищи Петровский и Снегов подготовили великолепные документы, продемонстрировали прекрасную штабную культуру и высокий уровень компетентности. Хочу напомнить, товарищ Сталин, что они хорошо зарекомендовали себя в первые месяцы войны, успешно сражались с немцами и только общий ход военных действий не позволил им нанести более серьезный урон противодействующим силам противника.

— Как вы считаете, товарищ Шапошников, достойны эти генералы награды за проделанную работу?

— Безусловно, товарищ Сталин!

— Теперь по поводу их будущих назначений. Командующий Брянским фронтом генерал-лейтенант Еременко ранен и не может пока исполнять свои обязанности. Есть мнение назначить на эту должность товарища Петровского. А начальником штаба ему дать товарища Снегова. Он ведь был начальником штаба дивизии и корпуса. А товарища Захарова мы используем на другом фронте.

— Я считаю, это будет правильно. Пусть на практике докажут правильность предлагаемых нововведений. Дадим им самые широкие полномочия в этом вопросе. А товарищ Жуков контролирует их действия как представитель Ставки.

Сталин не стал обсуждать с Шапошниковым затронутые в документах политические вопросы. Прочитав первый раз докладную записку, касающуюся причин возникновения Второй мировой войны и роли ведущих мировых держав в ее ходе и послевоенном устройстве, Сталин был глубоко взволнован. Смутные подозрения, которые у него имелись по ряду моментов, были изложены ясно и аргументированно. Можно было бы отнестись ко всему намного проще, мало ли что напридумывают люди. Но во-первых, сделанные прогнозы полностью становятся реальностью и нет оснований полагать, что дальнейшие события пойдут как-то иначе. Во-вторых, Сталин аккуратно, не раскрывая сути дела, запросил дополнительную информацию от НКВД и разведки. То, что он получил, полностью укладывалось в приведенный расклад. И это многое меняет в на-

ших отношениях с союзниками. Нет и не будет никакого второго фронта в Европе, пока наша победа не будет решающей, пока наши войска не подойдут к границам Германии. А тогда он нам будет совершенно не нужен! И сейчас акцент надо сделать на поставки не вооружений, а некоторых материалов, которых у нас пока недостаточно, а также промышленного оборудования, а не готовой продукции. Предложения по совершенствованию тактики наших войск позволяют надеяться на большую их эффективность в борьбе с врагом. А прогноз на действия в 1942 году с ударом в сторону Нижней Волги и Кавказа с его нефтью, подтвержденный полученными выкладками по производству нефти и нефтепродуктов Германией и ее сателлитами и их потреблению, позволяет спрогнозировать перемещение центра тяжести советско-германского фронта на юг. И подготовиться к такому развитию событий. Для себя Сталин решил продолжать отслеживать соответствие прогноза реальным событиям.

Когда Петровский и Снегов прибыли к Шапошникову, он, несмотря на большое желание обсудить с ними ряд вопросов, поехал с ними к Сталину. Оба генерала заметно волновались, оно и понятно. Сама по себе встреча с Верховным Главнокомандующим — событие не рядовое, а если иметь в виду повод для нее, то тем более.

Однако встреча прошла хорошо. Сталин спросил об их здоровье и, услышав в ответ, что они готовы служить Родине в любом месте, где будет приказано, перешел к делу. Он задал много вопросов, по которым чувствовалось, что

Сталин и сам хорошо в них разбирается и тщательно их проработал и обдумал. Ответы его, видимо, удовлетворили.

— Ну что ж, товарищи, подытожим. Поскольку вы имеете самое непосредственное отношение ко всем этим предложениям, то вам и предстоит показать их правильность. Есть мнение назначить вас, Леонид Григорьевич, командующим Брянским фронтом, а Михаила Георгиевича — начальником штаба. Членом Военного совета вам дадим Дмитрия Александровича Лестева, он человек молодой и решительный, опытный в военных делах. А есть ли у вас, товарищ Петровский, кандидатуры на должность заместителя командующего фронтом?

— Так точно, товарищ Сталин! Генерал-лейтенант Лукин Михаил Федорович. Его должны на днях выписать из госпиталя.

Сталин кивнул:

— Вижу, вы в госпитале времени не теряли. Не только с документами работали, но и к людям присматривались. Ставка согласна с кандидатурой заместителя командующего фронтом.

От Сталина не укрылась радость обоих от того, что и дальше они будут работать совместно. Он улыбнулся и продолжил:

— Вам будут даны самые широкие полномочия, вся новая техника, о которой идет речь в докладных записках, будет направляться в первую очередь к вам для всесторонних фронтовых испытаний. Соответствующие поручения руководителям нашей промышленности, конструкторам и ученым уже даны. Курировать фронт

со стороны Ставки будет генерал армии Жуков. Ставка Верховного Главнокомандования высоко оценивает проделанную вами работу, решение о вашем награждении будет принято в ближайшее время.

От Сталина генералы вышли в приподнятом настроении. Шапошников отпустил их отдыхать, а утром они явились к нему и проработали весь день, вникая в обстановку и планируя и согласуя с Генеральным штабом дальнейшие действия своего фронта. А вечером они снова были вызваны в Кремль, где Михаил Иванович Калинин вручил им ордена Ленина. Рано утром следующего дня генералы вылетели на фронт.

В кабине полуторки было холодно, дуло немилосердно, и Северов замерз как цуцик. Когда он, снова голодный и замерзший, в своем бомжеватом прикиде появился в штабе полка, то больше походил на пленного румына, чем на командира РККА. Находившиеся в штабе три вондевушки смотрели на Олега с нескрываемым презрением. На них была хорошо подогнанная по фигуре форма, на вешалке висели новенькие шинели из английского сукна, возможно, пошитые по индивидуальному заказу, на гимнастерах блестели какие-то значки. Но Северову было не до рефлексий по поводу своего внешнего вида, он отдал свои документы румянному старшему лейтенанту, помощнику начальника штаба полка, и сразу переместился к печке, собираясь немного отогреться.